

(начало на стр. 1)

Около гостиницы было кафе "Под дубом". Работало всю ночь. Вездесущие на ту пору бандиты подъезжали на разбитых БМБ и наш брат, писатель, до рассвета продолжал дискуссии. Если днем, на семинарах, проглухал, так называемые "почвенники" и "западники" ещё сторонились друг друга, общались, то "Под дубом" происходило полное слияние направлений.

Зато личностные разногласия порой вступали в силу. Писатель Вера Галактинова как-то "привезла" на Литературные встречи известного талантливого актёра Александра Михайлова. Красив, высок, с гитарой. Он и "Очарованный странник", и "Любовь и голуби"! Душевный человек решил порадовать писателей песнями. Мы слушали. И вот мешает что-то, и всё. Владимир Личутин сидит и шуршит, шуршит фольгой из-под шоколада! Михайлов не выдержал, мол, имей уважение! Не ко мне, так к песне! Личутка — он маленький, Михайлову под мышку, но заводной. И говорит архангельский, на "о". Да ты поешь, что ли, что это за песни?! — улыбается, прямо скажем, ехидно! Михайлов тоже с норовом — спой тогда сам! И Личутин запел! Братцы, я сто лет его знаю, а не слышал! Хор северный запел! Звонко, с трелями, с бабьим маленьким подвывом — как у всех там у них, на Архангельской губернии! Михайлов гитару бросил. Но сдаться не хотел, и давай они с Личуткой на руках бороться...

Среди народа "Под дубом" ходил с блокомотом благообразный Валентин Яковлевич Курбатов и всем предлагал оставить запись. Это стало традицией: каждый год что-то писать в его блокнот. Думаю, этим запискам разных людей и разных лет придет когда-нибудь свой черед! Его, Курбатова, в Ясной Поляне иногда кажется, что человек десять. Там выступает, а здесь опять попался навстречу. И везде с прической горшкой, во френчах с "обрезанной", подведенным под шею воротом. Моя жена как-то удивилась, вспомнив, что и много лет назад уважаемый Валентин Яковлевич был в таком же пиджаке. "Он у меня еще с кампании 1812 года, — тотчас нашелся извостить. — Перелицевал, и почти как новый!"

Народа интересного, умного каждый год на Писательские встречи приезжало немало. Но в память заппадают талантливые чудaki. Вдруг на яснополянской аллее появился молодой крепкий мужик в камуфляжной форме. Я принял его за охранника, который почему-то следует за группой писателей. Он поравнялся со мной, протянул маленькую книжку "Крест". В поездках много людей дарят свои "самопальные" книжки, однако было удивительно, что этот охранник с отчетливо низким лбом ещё и пишет. При этом тотчас стал возмущаться, что его поселили в односторонний номер, а этому "космоглагому" — он указал на почтаемого мною русского писателя, корейца по национальности, — дали трехкомнатный! Книжку эту я раскрыл через полчаса и к моему изумлению не мог оторваться. Здорово! И совершенно поражающе, что впечатлительно от стилистически изысканного текста никак не вязало с обликом ни то охранника, ни то бандита, каким предстал автор. Позже мы общались с Вячеславом Дёгтевым в Воронеж, в Перedelкино. И всегда он был чем-то недовольно, бурчал. А на встрече с читателями в библиотеке просто стыдоба сжигала, он

нёс всех, в том числе и милых интеллигентных бабушек, пришедших послушать кудесников слова. Я вот сначала в фамилии Дёгтев поставил букву "е", а потом вспомнил, как это его возмущало, как он отстаивал в каждой публикации букву "ё", ибо иначе получается совсем иное звучание, и поторопился исправить.

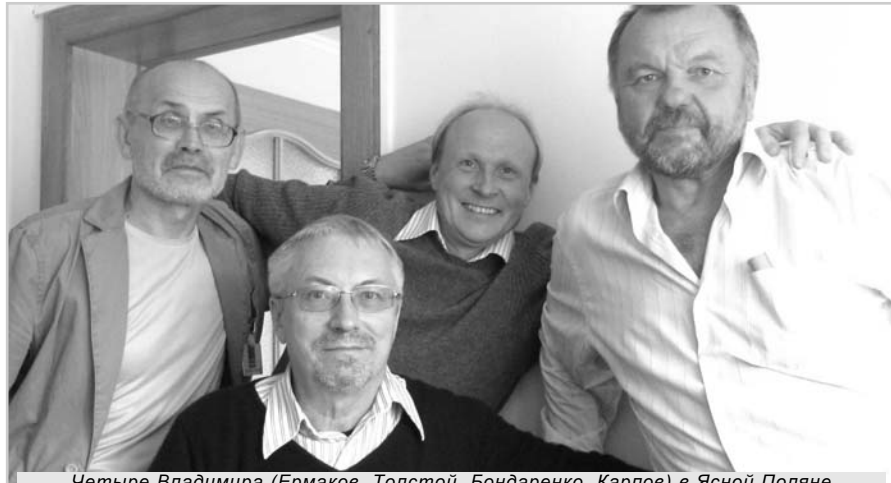
А в Ясную однажды приехал ещё один воронежский писатель: очень сильный прозаик Иван Евсеев. Рекомендую его рассказ "Сарабанда", кто

детей, и он не хотел их иметь. Объяснил так: следующие поколения в Америке уже никогда не будут свободными. Джон, свободолюбивый ирландец по происхождению, не хочет, чтобы не-свободными были его дети.

Забегаловка "Под дубом" ушла в лета, зато супротив "Въездных ворот" в музей-усадьбу вырос красивый ресторанчик в купеческом стиле "Прешпект": по названию аллеи, которая ведёт от ворот к Дому Толстого. Так и вижу: поднимаются вереницей писатели — сибиряки, уральцы, москвичи, белорусы... Итальянцы, португальцы, мексиканцы... Около веранды Дома Толстого про-

Эй, мужик, позови мне барина!

не читал: мистический романтизм! Особняком в нашей литературе. Человек более старшего поколения, должен

Четыре Владимира (Ермаков, Толстой, Бондаренко, Карпов) в Ясной Поляне

быть уважаемым. Но не для молодого Дёгтева. "Посмотри на его профиль", — указал он с прищуром мне. "И что?" — не понимал я. "Немец". "Почему?" "Он же в 43-ем родился, на оккупированной территории". Дальше я должен был догадываться сам, почему Ваня — немец.

В Ясной Поляне мы только вдвоём выбежали на зарядку к турнику, выпив Славя на более полстакана сухого вина. В сорок пять лет... лёг спать в своем Воронеж, и не проснулся. Позже я вспомнил его постоянную тяжёлую отдушку. Слухи ходили, что заснуть навсегда ему помогли. В Воронеже он, конфликтный по существу, последовательно отстаивал национальные позиции. К этой версии я бы относился как к чепухе, но примерно в те годы мне довелось ехать на машине по окружной дороге Воронежа. Вдоль обочины бутонами и веерами стояли протитуситки славянской наружности. А рядом, в стареньких "копейках", чтоб не жалко бросить, сидели "продавцы" — смуглые чернявые ребята.

Не стало и Вани Евсеева, который, кроме чудной прозы, поразил меня и частушками: импровизировал на ходу, слёту! Светлая вам память, друзья! 11 сентября 2001, когда в США самолёты протаранили башни Торгового центра, в Ясной Поляне проходили очередные Писательские встречи (напомню, Лев Николаевич Толстой родился 9 сентября). Среди нас был колоритнейший американец Джон. Высокий, с пышными седыми закрученными усами. Одна из бабушек у него была русская, и он неплохо говорил по-русски низким размеренным голосом. Мы все бросились к нему со словами соболезнования и утешения. Джон рассудил: а что они хотели после Югославии?

У пятидесятилетнего Джона не было

исходит открытие Встреч. Вступительное слово у хозяина, Владимира Ильича. Он кратко, улыбаясь и скоро передаёт "бразды правления", конечно же, величайшему из золотоустов Валентину Курбатову. Ах, братцы, кто его не слышал — много потерял! Неважно, о чем он глаголет, всё одно — песня!

Перед домом, под Веймарской соной, начинаются выступления писателей. Скамеечки под открытым небом, почему-то у микрофона сразу "нарисовался" Владислав Отрошенко: высок, хорош собою, с длинными развевающимися волосами. Сказать любит. Перед ним на передних сиденьях, как робкие "выношью": всегда словно со специальной подсветкой Лев Аннинский, суровый Игорь Золотушский, блаженный Виктор Лихоносов, бывало, Валентин Распутин. Далее с лицом верного ученика Алексей Варламов (какую замечательную он недавно выдал книгу о Шукшине: читая, временами казалось, будто это я написал — такие близкие духовные точки отсчёта при том, что люди мы совершенно разные). С краюшкой, склонив голову, скептически наморщившийся Пётр Краснов. А глубоко в сторонке, под деревом, всегда вместе с женой, громадный увалень Олег Павлов. Он словно боится, что если окажется в гуще людей, то произойдёт перевес, поэтому для балланса и размещается в стороне. Павлов приезжает не часто, но когда бывает, то высокий, но не столь габаритный Отрошенко тоже там, с ним.

Далее действо переселяется в Дом Волконских, продолжается с утра до вечера на еженедельных семинарах. Кто там только ни блистал! Тем, кто знает Тимура Зильфкарова, объяснять не надо. Помню его воспалённо красочную речь — в те ещё, начальные годы правления Владимира Владимировича

— обращение к президенту! Жёстко, правдиво, проблемно и при этом необыкновенно поэтично! Он прочитал и вышел из зала в некой дрожи. Скоро текст был опубликован. Тимур, как признавался, ждал репрессий, ареста, но... власть не отреагировала никак. Однако со временем становится очевидным, что все дальнейшие действия президента были ровно в согласии и по плану, предложенному поэтом Тимуром Зильфкаровым в Ясной Поляне.

Совсем иначе выступает Павел Ба-

синский. По тональности как бы скучно: ровный голос, всё по полочкам. Но заслушаешься, потому что взял с полочки — и это точно, документ, факт, который упрямая вещь. Пётр Краснов всегда разит: насколько он тонок и многопланов в прозе, настолько прямолинеен и акцентирован в публицистике. В этом плане, наверное, его позволительно сравнить и со Львом Николаевичем.

Владимир Бондаренко — пламенный боец по существу своему. Не забуду, как буквально сразу после расстрела Белого, когда страх, отчаяние просто выбрировали в воздухе, открыл газету с его статьей: "Нас остановит только пуля". На такое, братцы, надо было иметь большую смелость! Пуля миновала, а вот инфаркты настигали. Но, действительно, не остановили. Мы — соседи домами, доводилось видеть Бондаренко в тяжёлом состоянии. Читался материал, слушаешь выступление, диву даешься: всегда полемичен, горяч, заряжен! Благо, плечо жены, Ларисы, рядом: в сентябре — за руль, и везет неутомомного мужа в Ясную Поляну. Теперь уже — к Толстым.

Владимир Ильич, при всей своей занятости, почти всегда в зале. Слушает. И это — писатель ведь как дитя — предаётся выступающему люду особым настрою, запал. Владимир — ценитель, не ревностный, как часто бывает с нашим братом сочинителем. Он же ещё и ничтожная живая, связь со Львом Николаевичем.

9 сентября также вереницей, группками по двое-трое, писатели идут к могиле Толстого. Той самой, о которой многие знают, в Ясной не бывая. Без креста. Иных знаков. Просто холмик на косогоре. И каждый раз одно чувство: вины. Безотвётный вопрос: с чем ты пришёл? Имеешь ли право? Прости, прости, прости...

К могиле я люблю ходить один, хотя, конечно, с кем-то по пути здороваешься, переговариваешься. А потом, по дороге обратно, хорошо зайти в Кучерскую избу. В крестьянской избе, где бы она ни находилась, хранится человеческое тепло. В Кучерской — семейство кошек с котятками возле печки. Все пятнистые, бело-чёрные. Тоже ведь, исторического, чай, выводка. От конюшни бегут гусак с вытянутыми шеями, норовят уцупнуть! Девушки управляют с лошадыми... Яблоневые сады с тяжёлыми россыпями яблос, пасущиеся кони ловко поддевают губами падалицы. А вот пруд, после купания в котором Лев Николаевич советовал не обтираться полотенцем, потому как в капелках хранится самое благодатное...

Со временем Яснополянские встречи обогащаются наличием литературной премии "Ясная Поляна". Мне было по душе, что первую премию в номинации "Классика" получил Виктор Лихоносов. Он всегда был недооценённым:

писатель уровня Распутина, Астафьева, Белова — Лихоносов не получил в соответствующее время равных литературных премий, но много о нём говорили. Хотя, полагаю, каждый, кто открыл "Элегию", "Осень в Тамани", "Люблю тебя светло", полюбил этого художника навсегда.

Весточка о вручении премии до Лихоносова в Краснодар дошла поздно, и он опаздывал. А по условию конкурса номинант должен присутствовать на вручении лично. Шёл разговор, что вручат кому-то другому. Мне так хотелось, чтобы Лихоносов успел! И он прибыл. Растерянный, со слуховым аппаратом, а потому постоянно переспрашивающий "Здравствуйте, Тимур", — обратился ко мне. И вида замешательство, уточнил: "Вы ведь Зильфкаров"? Самое интересное, мы с Лихоносовым буквально накануне знакомились в Москве: наши рассказы вошли в Антологию "Шедевры русской литературы XX столетия", было представление, банкет. "Я Карпов", — мне пришлось напоминать. Виктор Лихоносов улыбался, как улыбаются плохо слышащие люди, кивал, а на следующий день меня всё равно назвал Тимуром. Я уже не сопротивлялся: Тимур, так Тимур. Смирился и Зильфкаров, что он Карпов. Ну, такие ребята-близнецы: не различить!

Да не обидятся на меня участники Встреч, которых я не упоминаю. У меня другая задача: речь вообще не о Встречах. Прокатились публикации, в которых имя Толстого, как на чужом пирогу, использовано в целях определённого сугубо бытового противоборства. Я и "борцов" не берусь судить: вон, талантливый и хороший Славя Дёгтев и талантливый и хороший Ваня Евсеев у себя в Воронеже жили как кошка с собакой, а теперь им нечего делить. Но печатное слово, что называется, не вырубить топором. Я прочитал одну статью и несколько дней ходил полубольной. Не про это тогда парня, друзья! Он в принципе другого замеса! Вот и потянуло — хоть чуточку рассказать о реальном мире Владимира Ильича Толстого. Понятно, что это даже не вершина айсберга, — государственный муж, попробуй охвати. О том, с чем лично я в этом мире сопикался.

В Ясную после его высокого назначения приехать не складывается. В 2014 — год возвращения Крыма в состав России, — в дни, когда в Ясной Поляне проводятся писательские встречи, был в Крыму. Сиху вечером на берегу и ясно чувствую: что справа, за спиной стоит Лев Толстой. "Опять ушёл", — подумало мне. Толстой был в солдатской шинели. Застегнут наглухо, как Сталин. И только тут до меня дошло: его "непротивленцем" называли, а он был солдат. Во всяк же — солдат!

Толстого и Достоевского принято противопоставлять. Однако нельзя не отметить то общее, что выпало на их молодость и мощнейшим образом повлияло на творческое формирование. Оба — примерно в одном возрасте — заглянули за грани жизни. Один — на Семёновском плацу, приговорённый к расстрелу. Другой — на 4-ом бастионе в боине под Севастополем, где смерть гуляла рядом и возмози увозили убитых. Потом — Достоевский на каторге, среди преступного люда, восхитился народом русским, великодушием и талантливостью. Толстой — там же, на войне, в Севастопольских рассказах поёт оду солдату, который достойно и просто, как обыкновенную работу, творит великие дела.

Листаю "Фэйсбук". Так, пустопожорнее. И вдруг — холодный, умно-тяжёлый взгляд, властный раздвиг носдрей, тонкие волевые губы, и характерная бордовка-мушка на левой щеке. Басилашвили! Красавец! Даже над морщинами поработал ваятель — гармони-

не скажу, что Олег Валерианович "герой моего романа", но как актёр мне очень симпатичен: и жулика может сыграть, и профессора литературы, и мессира, представителя потусторонних сил. Причём талантливо. Возможно, я бы назвал его одним из любимых моих лицедеев, если бы не октябрь 1993-го. Ну, не могу я простить ему его речей в поддержку расстрела Белого Дома. С надеждой думаю, что, может, время внесло свои коррективы и далеко не молодой "Воланд"-Басилашвили мыслит уже не так радикально, как та же Ахеджакова. Кликую мышкой и на сайте "руфабуле". Статья "Люди, как люди?". Читаю. Н-да. Никаких изменений: суть лозунга прежняя — "Раздавите гадина!". Гадина, конечно, Сталин и прямые текстом аналогия с Путиным. Но больше всего покорило — отношение автора к людям вообще, т.е. к народу. В 30-х лихих годах, как явствует из статьи, население страны ещё что-то из себя представляло и сопротивлялось режиму. А к нынешним годам человеческий материал настолько поплохел и опасудился, что может только одно — показывать 86-процентную поддержку лидеру действующего режима Путину. Но что самое интересное — раньше он поддерживал режим Сталина из-под палки, а нынче настолько огуллен и деградировал, что поддерживает даже без палки. Добровольно. Ничтоже сумняшеся автор статьи и ярлычок этому народу клеит — ублюдки и сволочи. Не верите? Цитирую.

"В великом русском языке есть слово "люди" и слово "ублюдки". Как видите, они вроде бы созвучны, похожи друг на друга (может даже показаться, что корень у них один). Однако значение этих слов совсем разное. И корни разные — "люд" и "блуд" соответственно. Между этими двумя словами при всём их некотором созвучии — дистанция огромного размера. Такая же, как между русскими 30-х годов и нами, нынешними русскими. Там, в 30-х, были все-таки люди".

Я вытер пот со лба. Ни х... себе! Ведь я вхожу в эти самые 86 процентов. Я волевым усилием остановил в кричащем мозгу поток нелицеприятных эпитетов в адрес... Стоп. Ну, не мог Олег Валерианович опуститься до того, чтобы крыть народ ублюдком и сволочью. Перебор. Ладно, отдельная личность, а тут народ. Смотрю. Надо ж так обмшлуться. Не Басилашвили автор-то, а некто Алексей Широпаев. Просто бледновато была прописана его неяркая фамилия. Слепая верска-то в "Фейсбуке". И я повелся за фотографией. Машинально. Видно, преобразённо-воландовский взгляд актёра ввёл

руют с общим обликом. В полосатом костюме, в роли князя мира сего — Воланда. Притязательный, харизматичный. И заголовок под фото "Люди, как люди?".

Я и загорелся, ладошки потёр в предвкушении.

меня в лёгкий транс, в помрачение, поманил властно. А фотография — это как бы замануха, иллюстрация к статье, хотя и вполне обоснованная. Ведь автор задаётся в самом начале статьи вопросом: а что было бы, если Воланд

из "Мастера и Маргариты" заявился вдруг в путинскую Россию?

Позже я рассмотрел в "руфабуле" Широпаева-то. Бордатый такой, кстати, похож на вождя мирового пролетариата. И у меня первым возник вопрос: а почему это Алексей Широпаев сразу взялся за Сталина? А о любителе пивка и заведующем монастырских пивнушек даже словом не обмолвился? Ну, о Владимире Ильиче. Ведь это он мечтал зардать и зардал-таки подол матушке России. Великая Французская отдыхает. И красный террор, и расказачивание, и трудовые концлагеря Троцкого, и продрозверстка — это разве не его изобретение? Или сталинизм отдельно и ленинизм отдельно, как мухи и котлеты?

Надо полагать, господин Широпаев относит себя к тем редким 14 процентам настоящего народа (не населения, как он пишет), которые генетически восходят к противостоящим режиму в далёкие 30-е. И я подумал: а он, случайно, не из профессоров, которые "распускаются весной" (Солоневич)? Ну, те, которые заполняли собой площади в поддержку Бориса Николаевича? Они, надо полагать, тоже входят в золото-платиновые 14 процентов и тоже родом из 30-х, т.е. высококачественный человеческий материал.

Кстати, а как автор относится к монархии? Он не пишет об этом, но предполагаю, что, скорее всего, плохо. Все либералы почему-то плохо относятся к монархии. К русской монархии. К английской, шведской, японской и т.д. вроде ничего, а к русской — плохо. Это я к чему? Да о народе хочу поговорить, о том качественном человеческом материале, который всего лишь через 13 лет после известных роковых событий 17-го оказался в 30-х. Кто-то же расказывал лодку под названием царская Россия и причалил её к кровавому Октябрю? Сначала декабристы расказывали, далее петрашевцы, народолюбцы, кто там ещё?

Потом большевики, эсеры и т.д. и т.п. — это качественный человеческий материал? И везде террор, кровь, майдан, обман, оранжевое, с изрядной примесью красного цвета. Кто ж им не хилось-то спокойно? Чего хотели? Свободы?

Конституции? Или севрюжатины с хреном каждый день?

Попробую угадать мысли автора статьи: видимо, к перечисленным мною масонским сообществам автор относится с симпатией, потому что они боролись с отсталой монархией. За что боролись? Дык, за свободу же, чего тут неясного. Царская Россия — это тюрьма народов, мировой жандарм и то, что сделали с царской семьёй в Ипатьевском доме, это вроде как нормально. Так ему и надо, кровавому. Ну, а то, что под замес ни в чем не повинных детишек

положили, так ведь лес рубят — щепки летят. Жалко, конечно, но...

Потом-то пошло вроде всё хорошо: крестьян подразоили, казачков подрастреляли, церкви зубы повышибали и т.д. Но самое главное — НЭП изобрели! Мечта вожденья! Свобода! Время Кореек Александр Иванович! Бандитизм расцвёл? — Так ведь он везде есть. Он и в Африке бандитизм. Или гангстеризм. Народ стонет? — Так ведь время непروطое, переходное. Главное царя свергли и движемся в нужную сторону цивилизованных — нормальных! — народов. И тут вдруг...

Ну, откуда он вынырнул этот грузин. И должностника-то вроде была так себе — партийный секретарь, но как силу-то набрал, где же мы просмотрели? И скоро пошло всё плохо. Очень плохо. И шло до 90-х годов двадцатого столетия, пока не подул ветер перемен. НЭП вернулся! Ура, товарищи-господа.

"...в принципе, в 90-е был шанс стать нормальными людьми, войти в круг нормальных народов", — пишет Широпаев. По всей видимости, стать частью Запада. Ох, уж эти нормальные народы. Нормальные в чём? Дайте мне, пожалуйста, перечень нормальности того или иного народа. Ну, нет такого перечня, нет и всё тут. Потому что любые достоинства тут же перекрываются многочисленными изъянами — разбоем-пиратством, убийствами, геноцидом, вплоть до уничтожения малых народцев (индейцев, к примеру), войнами, махровым национализмом и т.д. Это было в испано-язычном мире, англосаксонском, русском (в меньшей мере), южно-азиатском (Камбоджа) и в других.

Я вот уже несколько лет пытаюсь понять логику либерала, почему он так умилется 90-ми, и не могу. Развал, разруха, обман, наглость, хапок, залоговые аукционы, бандитизм, социальная с военными потерями убыль населения — это всё 90-е. Да что об этом, каждый знает. А либерал ностальгирует: зато, мол, свобода была, демократия. Но спроси его, что такое свобода, в ответ дежурный набор: права человека, соблюдение законов и прочий лепет. И за это лепет надо было положить жизни больше де-

сятка миллионов человек? Это как поиск светлячков на болоте: издалека вроде светят, а ближе подошёл, и нет их. Сколько же сломано копий в поисках этой самой свободы, а до сих пор толком неизвестно что это и с чем её едят. Каждый интерпретирует на свой лад. Для одного свобода — президента матом покрывать, для другого возможность быть разнузданным педофилом, для третьего вступить в однополый брак, для четвертого нанизывать на острый карандаш мышат и фотографировать их глаза, искажённые болью и страданием. Ко всему этому

безбрежный индивидуализм, ювенальная юстиция, власть чистогана и идеология по принципу — умри ты сегодня, а я завтра. Словом всё противоположное тому, что продиктовано Божьим замыслом.

То же и с демократией. Зародившись среди свободных граждан в рабовладельческой Греции она — демократия, не может быть не рабовладельческой ни в какое другое время. До недавнего времени для "золотого миллиарда", а это в пределах 14-15 процентов от 7 миллиардов, остальной мир — 86 процентов — были рабами. Сейчас это соотношение меняется, и западные демократии начинают потрескивать по швам.

К сожалению, как это не прискорбно, но 86 путинских процентов — это (сказать рабы, язык не поворачивается), скажем так, обманутый в 90-х народ. Настоящий народ (не население) с имперским мышлением. Потому что другого мышления быть не может — у него идеология Вселенская — Православие. И для этого народа движение "Крымнаш" вполне укладывается в имперскую парадигму. Как это объяснить? Примерно так же как понять, почему и зачем угорь или лосось возвращаются к месту своего рождения.

И о покаянии. Тема тонкая, личная и автор как-то походя её освещает, совершенно не к месту притянув одноимённый фильм Абуладзе.

"Он (фильм. — Г.Р.) нёс в себе послание, которое не было услышано: нас (страну. — Г.Р.) может спасти только радикальное отречение от скверны. Подобное тому, что совершила Восточная Европа".

Под скверной, видимо, понимаея марксовленно-сталинизм. Ну да, Восточная Европа (точнее, её купленные элиты) отореклась от этого и, задрав подол, пала в объятия Запада, хотя в отдельных странах опросы показывают, что больше половины простых людей хотят возврата к старому. Но отречение состоялось, это факт. А покаяние, где оно? Кто из европейцев покаялся, что воевал в составе гитлеровских легионов? Болгары, румыны, поляки, венгры, прибалты или укры? Разве Америка покаялась

за Хиросиму или разобомбленный без надобности Дрезден? Или союзники за открытие второго фронта только в 1944 году? Хотя есть и положительные моменты. Вот свежечкое: "Массовая гибель советских военнопленных на территории Германии во время Второй мировой войны до сих пор замалчивается, эту ситуацию необходимо изменить", — заявил в интервью газете *Suddeutsche*

Zeitung президент ФРГ Йоахим Гаук. Наш премьер ранее говорил о расстреле пленных поляков в Катыни сталинским НКВД. Вот в каком направлении надо двигаться.

Да, покаяние — это, конечно, исправление. Но прежде всего это таинство, Божья тайна. Только ОН может знать все грехи и только ОН может их простить. Русская Православная Церковь давно покаялась за грехи ленинизма-сталинизма перед Вторцом, так чего вы ещё хотите? Чтобы Путин в ООН, хорошоенько надравшись горилки, разорвал публично на себе косоворотку и, размазывая по щекам слёзы, просил публично прощения за свою несчастную страну, как бы главную виновницу всех мировых бед?

Вообще, в христианской традиции перед таинством покаяния необходимо примириться со всеми тебя обидевшими. Даже с врагами. Разве Россия не сделала этого? Ну, скажите, кто, протягивая руку дружбы, не получил от России ответного рукопожатия? Или Россия кому-то не протянула руки?

И финал:

"Так вы говорите, мессир, люди как люди? Нет, увы, к нам это уже не относится. Это не про нас. Мы не "люди как люди", а некий продукт системы расчеловечения, — итожит свои размышления господин Широпаев, и продолжает: — Несмотря на то, что Москва сейчас сияет модными бутиками, навряде миланских и прочих, нынешняя публика, думаю, так же ломанулась бы в "магазин" Геллы на сцене театра Вареьета".

Да конечно, ломанулась бы, кто ж с этим спорит? Это ж халава. А что, есть такие кто думает, что любая другая публика — у "нормальных" демократичных народов — не "ломанулась" бы за дармовыми купюрами? В Фергосе, Балтиморе? Да где угодно. Да и разве это такой уж крайний пример расчеловечения? Были вещи и пострашнее, когда в один из дней народ (или население, ублюдки!) ликовал и бросал под ноги Сыну человеческому одежды и вайю, а через пять дней злобного кричал — распрни его! Что изменилось с тех времён?